

Виктор Волков – сложившийся поэт. Он молод. Ему 23 года. Учился в университете, в Санкт-Петербурге. Служил в армии. Живет в Муроме. Стихов у него много. И он никогда не печатался. Поэзия Волкова – сплав лирики и своеобразной эпичности. Сокровенное и трагическое, душевные порывы и непростая нынешняя повседневность, фантазия и документальность, хранимая в сердце тайна и оправданная откровенность в этих динамичных, выразительных, ярких, порою яростных по накалу мыслей и чувств, очень личных, со своим собственным взглядом на мир, со своим голосом, своим лицом, сразу же узнаваемых, всегда выстраданных, смелых, даже отважных стихах словно сплетены в некий энергетический, светящийся шар. Волков, по всему строю, по словарю, по структуре стихов, поэт очень русский. Он прямой продолжатель линии Леонида Губанова в нашей поэзии. В его стихах, как это было и у Губанова, есть то, что с такой силой высветилось когда-то у Бодлера, – ранимая и беззащитная прямота решительных и суровых определений, радость сквозь боль, готовность принять и понять все многообразие и все сложности жизни, умение смотреть прямо в глаза яви. Замечательно, что дебют Виктора Волкова состоится в обновленной, притягательной для талантливых молодых авторов «Юности».

Владимир Алейников

БАЛЛАДА ОТПРАВЛЕНИЯ

Мой припозднившийся вагон
Казался городу врагом,
Когда с везучим интересом
Разгуливал по мокрым рельсам.
Он – пустоватый ветеран –
Ветрами окна вытирал,
Сопел, выплевывал двуглазых
По несколько десятков – разом.

На все с опаской черный город
Смотрел, насторожив перрон:
На то, как вновь, вдесятером,
Кричали пассажиры: «Скоро?
Когда посадка, и куда ж
Поедем в этот раз, мерзавцы?»
Многоколесный экипаж
Им не хотел добром казаться.

Он стрелами безумный гуд
Пускал, шутник, в кого ни попадая,
Он обволакивал всех в копоты,
Без разницы, как обзовут,
Как наговняют в нужнике,
Что выкинут от злости в тамбур...
Отплясывал на рельсах танго
Вагон веселый, налегке.

Я ждал его, весь не в себе,
Мне мнилось, что неподалеку,
Да-да, в каком-нибудь селе
Он в омут, словно снайпер, с лету,
Мог угодить, что не спасут
Его мерзавцы-пассажиры,
Что зря мы без него тут живы,
Что недалек и Страшный суд.

Там, там, без возмущенья спросит,
Причесывая градом проседь,
У всех и сразу Мировой:
«Что скажете?» И грустный вой
Подымет в стране снежинок.
«Помилуйте! Мы – пассажиры.
Мы не дождались гордеца...»
И Бог смахнет слезу с лица.

Вагон же, где-нибудь, вдали,
Да не в селе, да не скандально,

Полюбит любоваться далью.
(А мы – бедняги – не могли.)
Без опасенья на трубу
Бред наматает, мглой уколот,
И въедет наконец-то в город,
И я к приезду подгребу.

* * *

Я затевал игру:
Высказывал в лицо,
Что больше не умру,
Не стану подлецом,
Что, догорев дотла,
Собой украшу печь,
Что ночь меня могла
Однажды не сберечь,
А выкинуть рукой,
С оттяжкой даже – за борт,
Что ты мне рассказала,
Кто я, зачем, какой.
Лица же злой анфас
Смотрелся безучастным.
Такое в первый раз
Со мною (было часто).
Его не удивил
Запальчивый рассказ мой
О юности прекрасной,
О трудностях без сил.
Потом уже глядели мы
С презреньем друг на друга
Неделями, неделями,
Неделями... По кругу.

* * *

Оступился у ржавых балясин,
Утыкаясь в знобящую сырость.
Если смысл был раньше не ясен,
То теперь все вполне прояснилось:
И безродные строки в альбомах,
И комар, укусивший под локоть, –
Все ростки вдохновения в робах
Устают по подъездам волокать.
Так и станешь совсем безъязыким,

По верхам, по низам в беготне той.
Я упал говорливой кометой
В шаловливые руки музыки, –
Нам бренчать изверженья мелодий,
Нам клубиться разбуженной рясой,
Ожидая в последнем приплоде
Не исторгнутый маткой слой мяса,
А подсчет всем грехам и заплатам,
Коих было, по совести, сотни.
Будет голос дарованный отнят, –
От кометы останется атом,
Но сморкнется в безликую грусть он,
Как в платок, что в кармане лежит,
И восстанут, смеясь, чертежи,
Разлетевшись по всем захолюстьям.

* * *

Горностаевым страхом прижат к траве,
Отстрадав оскорбленья, ползу я в глушь.
Если хочешь – сама убедись, проверь,
Если хочешь – побег нарушь.

Когти дико впиваются в молочай,
Зубы точатся о слюну.
Если хочешь – на том берегу встречай, –
Я обратно не поверну.

Не Психея вынудила к тому,
Не бастард напугал острием.
Если хочешь – останься. Отдашь кому
Все добро, все добро свое?

Челобитные – слышу – уже звенят:
Неугоден побег Творцу.
Если хочешь – выдай толпе меня,
И доставь без сил ко дворцу.

Только зяблик подмигивает из куста:
Целомудрен, вертляв, пернат.
Мы бежим. Объявляют по всем постам,
Как я глуп и как ты верна.